

АННА ВЛАСЕНКОВА

КАК В КОНСЕРВАТОРИИ НАЧИНАЛИ ПРЕПОДАВАТЬ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Как бы кто-либо из нас ни был заинтересован историей Санкт-Петербургской консерватории и тем, как в ней происходило обучение музыкантов, вряд ли он сможет многое рассказать о том, как в Консерватории начинали преподавать иностранные языки.

Вопрос истории этих предметов весьма интересен, ведь иностранные языки всегда были особо важны для нашего учебного заведения: именно в Консерватории они были необходимы с практической точки зрения. Ведь, как мы знаем, изначально практически весь состав профессоров Консерватории включал в себя только приглашённых иностранных преподавателей, которые в большинстве своём мало и плохо говорили по-русски, так что весь процесс обучения происходил на немецком, французском, итальянском языках. Из этого следует, что хорошее знание иностранных языков требовалось от учащихся сразу же — на практике.

Однако (что сперва кажется удивительным!) первое, что мы узнаем об истории этого предмета — это то, что в начале своего существования Консерватория совершенно не уделяла внимания языковому образованию учащихся, таких предметов просто не было в учебном плане. Этому есть несколько причин. Прежде всего, в первом уставе задача новоиспеченного учебного заведения объявлена так: «обучение музыкальному искусству во всех его отраслях», а учебный план включал в себя лишь сугубо специальные предметы (пение, игра на фортепиано и инструментах оркестра, теория композиции и инструментовка, история музыки, эстетика и декламация), общеобразовательные курсы вводились позже, постепенно.

Вторая причина тоже проста и естественна — в особом внимании к преподаванию иностранных языков просто не было необходимости. Политика и культура того времени требовала от человека элементарного владения по меньшей мере несколькими иностранными языками, в числе которых в первую очередь входили латынь, французский и немецкий. Так что к моменту поступления в Консерваторию у студента чаще всего уже не было особой необходимости учить языки.

Таким образом, в перечне предметов музыкального училища Русского Музыкального Общества (такой статус был дан учебному заведению) от 1861 года среди преподаваемых предметов нет иностранных языков. Однако в 1865-66 годах в «Инструкциях и положениях по Петербургской консерватории, составленных для руководства учебной и хозяйственной жизнью» упоминается, что все певцы обязаны изучать итальянский язык (3). Это первое упоминание такого предмета в Консерватории.

Судя по исследованиям преподавания иностранных языков в России в XIX веке (4) преподавание новых (живых) языков, в отличие от налаженного качественного преподавания древних языков, находилось на очень среднем, даже низком уровне. Лишь в последние два-три десятилетия XIX века возрастает интерес к новым иностранным языкам: немецкому, английскому и, в особенности, — французскому.

Именно в этот период, в 70-е годы XIX века в отчетах ИРМО (2) в штате преподавателей Консерватории кроме преподавателя итальянского языка появляются учителя немецкого и французского языков (чаще всего одним языком заведовал всего один педагог, штат был небольшой). Именно такой набор изучаемых предметов и сохранялся в здесь в течение многих десятилетий. Здесь можно обнаружить имена хороших, самоотверженных и образованных преподавателей, истории которых, к великому сожалению, сохранились крайне фрагментарно, а большинство, можно сказать, не сохранились вовсе.

Стоит отметить — преподавателями иностранных языков в Консерватории вплоть до революции 1917 года всегда были иностранцы, носители языка, и их знание русского довольно сомнительно — порой за отсутствием большинства документов в личном деле вообще не возможно найти каких-либо доказательств того, что учитель иностранного языка владел рус-

ским. Даже официальные письма директору консерваторий чаще всего написаны на французском языке.

Среди имен учителей немецкого языка сохранились Гиршвелльд и Эверлинг, французского — Салье и Далло.

Личные дела Эверлинга и Салье сохранились в документах консерватории. В них указано место, где каждый получил образование (это всегда было на родине), а также перечислены множество учебных заведений (около 10-15), в которых они состояли на службе. Из документов Эверлинга мы также узнаем, что в России он за свои успехи по службе получил статус дворянина, женился и создал семью — есть даже письмо сына Эверлинга от 1927 года, свидетельствующее о том, что несмотря на свои иностранные корни после революции 1917 года он остался в СССР. (1)

Ещё одна, не менее занимательная личность встречается нам в списках преподавателей в отчётах ИРМО с 1975 года — это госпожа Каталиотти, учительница итальянского языка у вокалистов.

В отличие от дел уже упомянутых персон, личное дело Каталиотти невероятно лаконично: консерватория — единственное место, где ей довелось преподавать в России (возможно, в силу того, что итальянский язык как предмет был востребован в учебных заведениях России значительно меньше). Однако поражает её стаж — госпожа Каталиотти проработала в консерватории более 30 лет! Судя по её свидетельству в письме от 1905 года, за все эти годы она даже ни разу не пропустила ни одного занятия. В этом письме она просит дать ей отпуск на месяц в начале учебного года, так как вынуждена уехать в санаторий «подправить своё здоровье». О ней сохранились невероятные истории. Самое удивительное и достойное уважения её обыкновение заключалось в том, что госпожа Каталиотти всегда присутствовала на всех специальных экзаменах своих учеников-вокалистов.

Она вникала в специфику их профессии и обращала на это внимание, составляя учебный план. Она интересовалась музыкой, а также старательно следила за тем, насколько её студенты усваивают правила произношения.

Несмотря на эти свидетельства, история госпожи Каталиотти также крайне фрагментарна. Например, нет никакой информации о том, насколько она владела русским языком и владела ли вообще. Не сохранилось в истории даже её имя — в документах она упоминается не иначе как «Г-жа Каталиотти». Единственный сохра-

нившийся документ — ее письмо от 1905 года с просьбой дать ей первый за 30 лет отпуск. В письме она жалуется на своё здоровье и по совету врача собирается отправиться на минеральные воды на лечение. Это письмо на французском языке мы целиком приводим в работе.

A Monsieur L'Inspecteur
du Conservatoire.

Très estimé Monsieur Gabel!

Me sentant cette fin de saison scolaire très fatiguée, à cause de différentes raisons, mon docteur me conseille et insiste, à ce que je fasse une cure de bains minéraux, et ensuite pour la compléter une cure de raisins.

Je prends la liberté, de Vous

En espérant que Vous m'accorderez cette faveur, et ne refuserez pas ma prière, veuillez agréer, très estimé Monsieur Gabel, mes remerciements anticipés, ainsi que mes salutations très distinguées et me croire toujours

Votre bien sincère et dévouée

I. Cataliotti

К сожалению, все данные, упомянутые в статье, довольно фрагментарны и относительны за неимением большого количества достоверных документов.

В послереволюционное время методика преподавания иностранных языков изменилась, появились новые интересные фигуры, изменились программы (так, например, впоследствии появился английский язык). Но это уже вопрос для нового исследования.

Je prie de m'accorder un congé, et de me permettre de recommencer mes classes, le 1er Octobre 1905.

Si j'abuse de Votre amabilité en Vous forçant de rentrer pour la dite date, c'est que depuis 28 ans, que j'enseigne la langue italienne au Conservatoire, cela sera la première fois, je n'ai jamais demandé de congé, et je n'ai jamais omis aussi de moi-même une seule leçon.

Использованная литература:

1. ЦГИА СПб, Ф. 361, Ф. 408
2. Отчеты Санкт-Петербургского отделения ИРМО за 60–70гг.
3. Санкт-Петербургская консерватория: Док. и материалы из фондов Б-ки и Музея. СПб., 2002. Т. 1.
4. Никшикова Лана Юрьевна. Историко-педагогические основы преподавания иностранных языков в России XIX – начала XX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Нижний Новгород, 2007.

